

УДК 332.025.1

ЗАЛИВАНСКИЙ БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ
к.с.н., доцент кафедры социальных технологий
и государственной службы, НИУ «БелГУ»,
г. Белгород, Россия,
e-mail: zalivansky@mail.ru

САМОХВАЛОВА ЕЛЕНА ВЛАДИСЛАВОВНА
к.с.н., доцент кафедры социальных технологий
и государственной службы, НИУ «БелГУ»
г. Белгород, Россия,
e-mail: samokhvalova@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2023-11-212-225

КОРРУПЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В РЕГИОНЕ

***Аннотация.** В статье проанализированы результаты исследования, проводимого в Белгородской области на протяжении 2019-2022 гг., среди представителей хозяйствующих субъектов с целью определения масштабов распространения коррупционных практик во взаимодействии бизнеса с представителями органов власти. Авторами выявлена тенденция более лояльного принятия предпринимательским сообществом практики использования неформальных и скрытых платежей для достижения целей своей коммерческой организации. Желание ускорить административные процедуры, избежать проблем во взаимодействии с чиновниками выступают основными мотивами использования предпринимателями неформальных практик. При этом, зачастую выступая инициаторами "ускорения" установленных законом процедур, они склонны обвинять в распространении коррупции алчных чиновников. В результате за четыре этапа исследования существенных изменений в региональной коррупционной ситуации не зафиксировано, а снижение значений некоторых показателей распространения коррупции обусловлено скорее специфическими внешними факторами (пандемией Covid-19, проведением Специальной военной операции), нежели внутренними (снижение административной нагрузки на бизнес, формирование нетерпимого отношения предпринимателей к коррупции и т.д.). В заключении статьи авторами предложены рекомендации, направленные на минимизацию коррупционной составляющей во взаимодействии должностных лиц органов власти и предпринимателей.*

***Ключевые слова:** «деловая» коррупция, неформальные платежи, предпринимательское сообщество, хозяйствующие субъекты, антикоррупционная политика*

ZALIVANSKY BORIS VASILYEVICH
Ph.D. in Sociology, Associate Professor of the Department
of Social Technologies and Public Administration, NRU "BelSU",
Belgorod, Russia,
e-mail: zalivansky@mail.ru

SAMOKHVALOVA ELENA VLADISLAVOVNA
Ph.D. in Sociology, Associate Professor of the Department
of Social Technologies and Public Administration, NRU "BelSU"
Belgorod, Russia,
e-mail: samokhvalova@mail.ru

CORRUPTION ASPECTS OF BUSINESS INTERACTION WITH REPRESENTATIVES OF THE AUTHORITIES IN THE REGION

***Abstract.** The article analyzes the results of a study conducted in the Belgorod Region during 2019-2022 among representatives of business entities in order to determine the extent of the spread of corrupt practices in the interaction of business with government representatives. The authors have*

identified a tendency for the business community to adopt more loyally the practice of using informal and hidden payments to achieve the goals of its commercial organization. The desire to speed up administrative procedures and avoid problems in interaction with officials are the main motives for entrepreneurs to use informal practices. At the same time, often acting as initiators of the "acceleration" of the procedures established by law, they tend to accuse greedy officials of spreading corruption. As a result, during the four stages of the study, no significant changes were recorded in the regional corruption situation, and the decrease in the values of some indicators of the spread of corruption is due rather to specific external factors (the Covid-19 pandemic, the conduct of a Special military operation) than internal (reducing the administrative burden on business, the formation of an intolerant attitude of entrepreneurs towards corruption, etc.). In conclusion, the authors propose recommendations aimed at minimizing the corruption component in the interaction of government officials and entrepreneurs.

Keywords: "business" corruption, informal payments, business community, business entities, anti-corruption policy

1. Введение

Причины распространения «деловой» коррупции, как и механизмы противодействия ей, на протяжении десятков лет привлекают внимание многих исследователей. С одной стороны, большинство авторов солидарны, что «деловая» коррупция наносит непоправимый ущерб экономике России. Сама возможность «незаконного получения представителем бизнеса преимуществ в процессе осуществления хозяйственной деятельности, сводит на нет усилия по развитию добросовестной конкуренции» – одного из основных инструментов рыночной экономики [1, с. 211]. Кроме того, вследствие распространения коррупционных практик расширяется теневая экономика, а потребитель оказывается в ситуации ограниченного выбора товаров и услуг, не всегда должного качества. В свою очередь, государство недополучает налоги, неэффективно расходует бюджетные средства, в итоге разрушая собственный престиж, теряя доверие населения, и неся тем самым не только экономические, но и политические издержки [2, с. 168].

С другой стороны, на практике усилия власти, общественных организаций, отдельных представителей бизнес-сообщества по сокращению масштабов распространения «деловой» коррупции, по-прежнему, не приносят ощутимых результатов. «Несмотря на все проводимые государственные меры по противодействию коррупции, число преступлений в секторе предпринимательства продолжает расти» [3, с. 6], а, следовательно, исследования причин укоренения «деловой» коррупции, мотивов, побуждающих предпринимателей уплачивать административную (коррупционную) ренту, оценка масштабов распространения коррупционных практик все еще не теряют своей актуальности.

При этом получить объективное представление о распространенности «деловой» коррупции достаточно сложная задача. Скрытый характер коррупционных взаимодействий не позволяет оценивать масштабы их распространенности в деловой среде через измеряемые количественные показатели, например, статистику коррупционных преступлений или размеры взяток, обозначенные в уголовных и административных делах. В этой связи дополнить официальные данные могут результаты эмпирических исследований, характеризующих представления бизнес-сообщества о масштабах распространения «деловой» коррупции, мотивы и стратегии поведения предпринимателей в коррупционных ситуациях. Особенно актуальны результаты подобных исследований для региональных органов власти, так как они позволяют отслеживать изменения коррупционной ситуации на вверенной им территории, повышая эффективность антикоррупционной борьбы.

Начиная с 2019 года, при участии авторов, в Белгородской области методом анализа эмпирических данных ежегодно оцениваются масштабы распространения «деловой» коррупции с учетом методики, утвержденной постановлением Правительства РФ от 25 мая 2019 г. № 662 [4]. Целью настоящей статьи является интерпретация результатов, полученных в 2022 году при проведении очередного этапа исследования среди 483 представителей хозяйствующих субъектов региона, и их сопоставление с данными прошлых периодов, начиная с 2019 года. Общий размер выборочной совокупности был определен исходя из значения среднегодовой численности занятых в экономике субъекта РФ, квотными признаками являлись: размер хозяйствующих субъектов и виды экономической деятельности. В выборку вошли представители крупных, средних, малых и микропредприятий. Наибольшую долю составили организации,

имеющие в штатном составе до 100 сотрудников (81,1%), а наименьшую (2,1%) – организации с количеством работающих свыше 1000 человек.

Более половины респондентов (55,2%) – это представители хозяйствующих субъектов, относящихся к шести видам экономической деятельности: сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; строительство; торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов; деятельность гостиниц и предприятий общественного питания; образование; здравоохранение и социальные услуги. Всего в выборке были представлены организации и предприятия 17 видов экономической деятельности.

В данном исследовании решались следующие задачи:

- изучение отношения предпринимателей к коррупции, мотивов коррупционных взаимодействий бизнеса и власти;

- описание ситуации в регионе (восприятия масштабов распространения коррупции самими предпринимателями, в том числе через частоту возникновения со стороны представителей органов власти незаконных требований к бизнесу, применения предпринимателями таких коррупционных форм взаимодействия, как подарки, неформальные платежи и услуги имущественного характера).

Методологически в основу исследования легли институциональный и утилитарный подходы. С точки зрения первого, коррупция, в том числе «деловая», рассматривается как неформальный институт, внутри которого сформированы «неписаные» правила, обладающие большой устойчивостью и с трудом поддающиеся регулированию правовыми и экономическими методами. Согласно этому подходу традиционные ценности, такие как честность, справедливость, порядочность хоть и разделяются большинством чиновников и бизнесменов, не являются для них ориентиром поведения в рамках взаимодействия. В результате по молчаливому согласию, несмотря на формальный запрет, предприниматели поступают так, как, по их мнению, «принято» в подобных ситуациях, а коррупция «оказывается столь обычной и ожидаемой, что отказ от нее воспринимается как нарушение общепринятого порядка вещей» [5, с. 83].

Второй подход – утилитарный, в соответствии с которым коррупция представляет собой особую форму экономического поведения предпринимателей. В этом случае «деловая» коррупция выступает своего рода «смазкой» в жестком бюрократическом механизме, позволяя сгладить в экономике барьеры, вызванные несовершенством государственного регулирования» [6, с. 158]. Коррупционная модель поведения представляется для бизнесменов «рациональным выбором», они сами проявляют желание оплатить административную (коррупционную) ренту, т.к. «издержки, связанные с выплатами должностным лицам, значительно меньше тех выгод, которые можно получить от подобного взаимодействия» [7, с. 167].

Применяя указанные выше подходы, авторы диагностировали одновременно ценностную и рациональную составляющую поведения белгородских предпринимателей, оказавшихся в коррупционной ситуации.

Основной гипотезой исследования выступило предположение о том, что, «деловая» коррупция в регионе институционализируется, коррупционные практики становятся неформальной нормой. Предприниматели, оказавшись в коррупционной ситуации, прибегают как к стратегии пассивного несопротивления «ну если иначе нельзя, то приходится», так и к активному использованию неформальных способов обеспечения конкурентных преимуществ для собственного бизнеса. В сложившейся ситуации существенное влияние на масштабы распространения «деловой» коррупции в регионе оказывают специфические внешние факторы (Covid-19, проведение Специальной военной операции), а не внутренние (снижение административной нагрузки на бизнес, формирование у предпринимателей нетерпимого отношения к коррупции и т.д.).

2. Основная часть.

2.1. Мотивация предпринимателей в качестве участников коррупционных ситуаций

Как и в других регионах России, белгородские предприниматели неформально взаимодействуют с должностными лицами конкретных органов власти либо вынуждено, либо по собственной инициативе. В определённых ситуациях такое неформальное взаимодействие может возникать в виду наличие взаимопересекающихся интересов разных сторон. При этом неформальные прямые и (или) скрытые платежи выступают одним из основных инструментов оказания влияния на должностных лиц, наряду с подарками или неформальными услугами имущественного характера.

В 2022 году 42,5% респондентов указали, что по собственной инициативе прибегали к неформальным платежам при взаимодействии с чиновниками (нижние три варианта на рис.1),

еще 3,9% просто не удалось избежать этого избежать. О неприменении в своей деятельности подобной практики заявили только лишь 17,6% респондентов, при довольно большой доле уклонившихся от ответа (их доля составила в 2019 году – 32,2%, в 2020 – 46,2%, в 2021 – 38,8%, в 2022 – 36%). Последние с высокой долей вероятности просто не были готовы откровенно высказать свое мнение, даже на условиях анонимности.

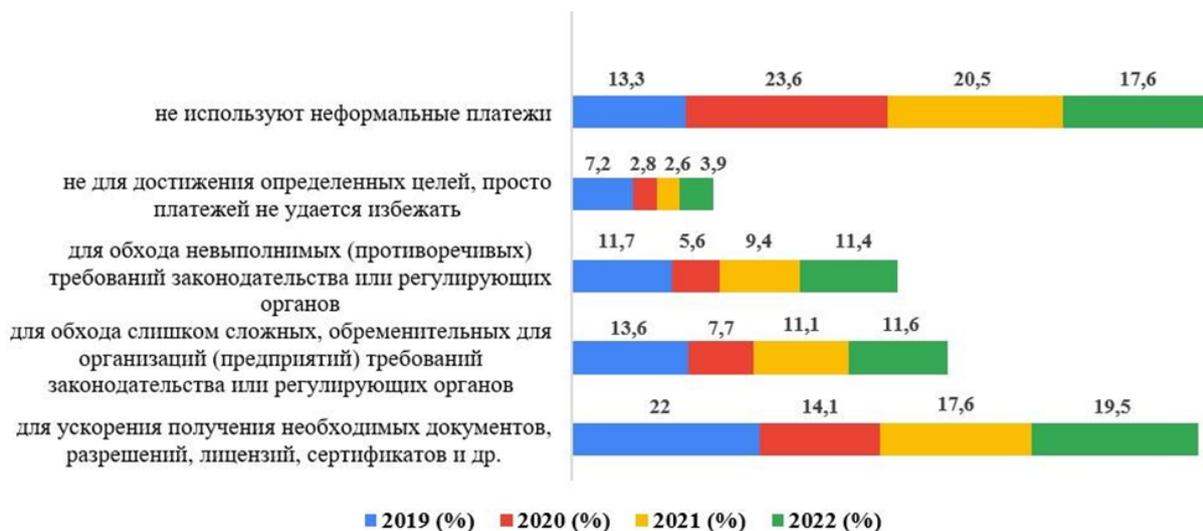

Рис. 1. Как Вы полагаете, с какими целями организации (предприятия, фирмы, бизнес) Вашей отрасли, по размерам схожие с Вашей, используют неформальные прямые и (или) скрытые платежи при взаимодействии с органами власти?»

Источник: составлено авторами по результатам эмпирической оценки масштабов распространения «деловой» коррупции в Белгородской области в 2022 году

Учитывая, что дарить подарки, оказывать неформальные услуги имущественного характера приходилось примерно каждому десятому опрошенному (10,2% и 9,7% соответственно), а платить по самым скромным оценкам почти половине опрошенных, следует предположить, что распространенность неформальных взаимодействий в деловой среде существенно выше декларируемых 46,4%.

Из данных, представленных на рисунке 1, видно, что среди тех, кто неформально вознаграждает чиновников, приоритетным мотивом к совершению подобных действий на протяжении всех этапов исследования является желание ускорить получение тех или иных видов документов (такой вариант выбрали 19,5% респондентов этой группы). Чуть реже бизнесмены применяют практику неформальных платежей для обхода невыполнимых или слишком сложных, обременительных для коммерческих организаций требований законодательства или регулирующих органов. В целом доля тех, кто признает необходимость использования неформальных платежей для получения выгод для организации, за последние три года продолжает увеличиваться (с 27,4% в 2020 году до 42,5% в 2022), выявляется тенденция приближения к значениям доковидного докризисного 2019 года (тогда суммарная доля выбравших первые три варианта ответов составляла 47,3%).

Что касается конкретных целей неформального вознаграждения, чаще всего предприниматели платят должностным лицам за покровительство. Через неформальные платежи они используют авторитет чиновника, в силу занимаемой им должности, для оказания воздействия в форме уговоров, обещаний, принуждения с его стороны. В течение всего периода исследования этот ответ наиболее популярен, его выбирает примерно каждый четвертый предприниматель среди тех, кто заявляет о применении неформальных прямых или скрытых платежей (рис. 2).

Немногим реже такие платежи применяются для того, чтобы чиновник не искал повода придаться к чему-либо (в среднем за все годы исследования 23,8%) или чтобы он быстрее делал то, что и так обязан выполнять по долгу службы (21,7%). Иные цели предпринимателями преследуются реже, скорее всего в виду их большей криминальности. Речь идет о нарушении должностных обязанностей (12,5%) и попустительстве на службе (17,3%).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Для чего организация (предприятие, фирма, бизнес) Вашей отрасли, по размерам схожая с Вашей, сталкивается с необходимостью оказывать влияние на действие (бездействие) должностных лиц посредством осуществления неформальных прямых и (или) скрытых платежей?»

Источник: составлено авторами по результатам эмпирической оценки масштабов распространения «деловой» коррупции в Белгородской области в 2022 году

Прибегая к неформальным или скрытым платежам, предприниматели рассчитывают, в первую очередь, на ускорение решения какой-либо проблемы (10,4%) и минимизацию трудностей при ее решении (11,6%). При этом, примерно столько же опрошенных (11,4%) в 2022 году заявили об отсутствии гарантий в получении результата, несмотря на практику использования неформальных платежей (рис. 3). Одновременно на протяжении последних трех лет сокращается доля предпринимателей, отказывающихся оценить результат применения неформальных платежей (с 64,8% в 2020 году до 54,7% в 2022), что может выступать косвенным свидетельством роста включенности бизнес-сообщества в коррупционные процессы в регионе.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Каков основной результат от оказания влияния на должностное лицо посредством осуществления неформальных прямых и (или) скрытых платежей?»

Источник: составлено авторами по результатам эмпирической оценки масштабов распространения «деловой» коррупции в Белгородской области в 2022 году

Результаты ответов, полученных в 2022 году, как и в предыдущем году, демонстрируют довольно высокую заинтересованность предпринимателей в решении вопросов неформальным путем с привлечением должностных лиц органов власти, которая вероятно формирует соответствующий запрос во взаимоотношениях указанных сторон. В 41% случаев в 2022 году они указали, что так надежнее со стороны интересов организации. Во вторую очередь предпринимателями отмечалось, что такое решение они приняли на основе опыта коллег из других организаций – 32,3%. Наконец, реже всего респонденты указывали на то, что им «дали понять со стороны должностного лица, что именно так следует сделать» (26,7%) (рис. 4).

Полученные результаты в целом соответствуют гипотезе, выдвинутой С.П. Феррисом о том, что несмотря на негативное влияние коррупции на экономическую систему страны и отдельных ее сегментов, она способна обеспечить повышение прибыльности субъектов предпринимательской деятельности [8], в том числе благодаря тому, что она может выступать инструментом преодоления административных барьеров. Подобной позиции придерживаются и некоторые отечественные исследователи, например, П.Н. Кобец, П.А. Краснова [9, с. 94].

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Причина, по которой организация (предприятие, фирма, бизнес) из Вашей отрасли, по размерам схожая с Вашей, была бы склонна к оказанию влияния на должностное лицо посредством осуществления неформальных прямых и(или) скрытых платежей?»

Источник: составлено авторами по результатам эмпирической оценки масштабов распространения «деловой» коррупции в Белгородской области в 2022 году

Основной причиной распространения коррупции предприниматели называют алчность чиновников и должностных лиц (21,7% в 2022 году), что в определенной степени вступает в противоречие с информацией о рациональных причинах использования неформальных платежей в целях организации. Далее среди причин следуют: сложившиеся традиции в обществе, особенности культуры и менталитета (19,7%), сложное, противоречивое законодательство (12%) (рис. 5).

Одновременно в 2022 году несколько увеличилась доля респондентов, уклонившихся от ответа на вопрос (с 41,6% до 46%). Для наглядности на рисунке приведены значения без учета доли респондентов, выбравших вариант «другое», которая с 2019 года составляла соответственно по годам 1,5%, 0,4%, 1,2%, 0,6%.

Очевидно, что в бизнес-среде имеют место как рациональные причины коррупционных проявлений, так и социокультурные представления о допустимости неформальных практик. Можно согласиться с М.В. Близнюком, который полагает, что «... толерантное отношение общества к коррупции связано с тем, что нормами семейной морали в России поощряются не только честные способы достижения семейного благополучия, но и незаконные» [10, с. 31].

В целом, результаты, полученные на протяжении последних трех лет, сопоставимы между собой, но можно отметить, что респондентами отдается приоритет человеческому фактору в распространении коррупции, а не причинам, связанным с несовершенством государственно-правовых институтов. При этом предприниматели в большей степени возлагают ответственность за распространение коррупции на общество, систему власти, но не склонны упоминать свою заинтересованность.

Коррупция во всех странах мира, в том числе и в Российской Федерации, является официально осуждаемым социально-экономическим явлением. В связи с этим вполне ожидаемо, что в рамках проводимого исследования представители предпринимательского сообщества должны скорее негативным образом характеризовать коррупцию, нежели открыто высказываться о ней одобрительно. Наиболее распространенной позицией, которой придерживаются предприниматели Белгородской области, в том числе в 2022 году, выступает мнение о том, что коррупция скорее мешает хозяйствующим субъектам осуществлять свою деятельность – 22,6% (рис. 6).

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, что является основной причиной распространения взяточничества и коррупции в России?»

Источник: составлено авторами по результатам эмпирической оценки масштабов распространения «деловой» коррупции в Белгородской области в 2022 году

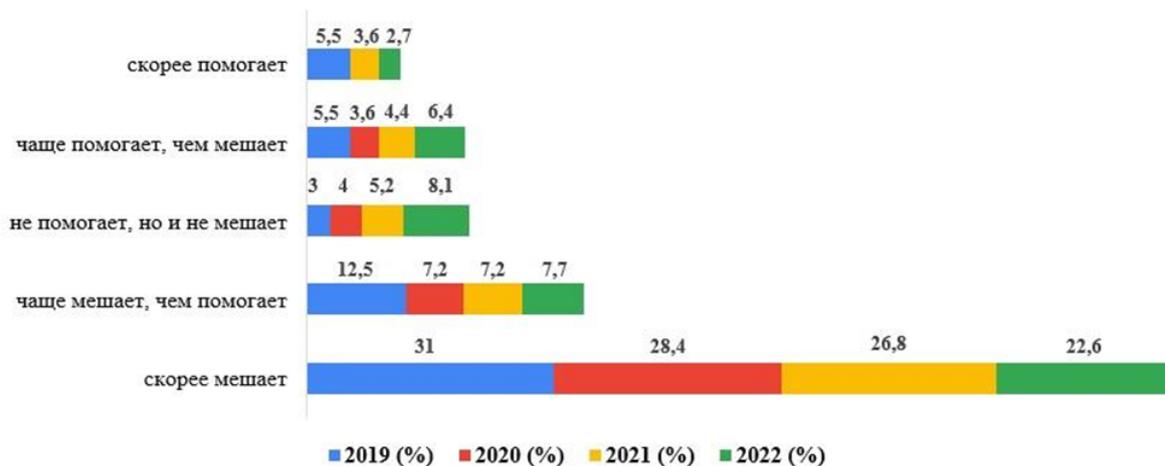

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Если исходить из нынешних условий и обстоятельств ведения бизнеса и его регулирования органами власти, коррупция скорее помогает или мешает работать организациям (предприятиям, фирмам, бизнесу) Вашей отрасли, по размерам схожей с Вашей?»

Источник: составлено авторами по результатам эмпирической оценки масштабов распространения «деловой» коррупции в Белгородской области в 2022 году

Однако, примечательно, что на протяжении всех этапов исследования наблюдается постепенное уменьшение данного показателя, начиная со значения 31% в 2019 году. При этом относительно небольшими темпами, но растет доля тех предпринимателей, кто считает, что коррупция не помогает, но и не мешает бизнесу (от 3% в 2019 году до 8,1% в 2022 году). Доля респондентов, затруднившихся с ответом, в 2022 году практически не изменилась в сравнении с прошлогодним значением и составляет более половины от всего массива выборки – 52,6%. Скорее всего, как и ранее, многие предприниматели оказались не готовы заявить о своем мнени-

нии, идущем вразрез с официальной позицией, даже на условиях анонимности ответов.

Таким образом, предприниматели, скорее, не являются социальной группой, способной самоорганизовано открыто выступать против коррупции. Для многих бизнесменов, несмотря на предоставленные гарантии анонимности, важным мотивом выступает желание «не сообщить лишнего», отсюда и столь существенное количество респондентов, затруднившихся в своей оценке этого явления. Более того, намечается тенденция к более лояльному принятию предпринимательским сообществом практики использования неформальных прямых и скрытых платежей при взаимодействии с органами власти для достижения целей их коммерческой организации. Основной мотив использования неформальных форм влияния бизнесменов на должностных лиц государственных и муниципальных органов в сфере «деловой» коррупции, это – необходимость преодоления административных барьеров и ускорение получения необходимого результата.

Превалирующей причиной распространения коррупции в стране, предпринимателями названа алчность чиновников, но, в то же время, говоря о причинах осуществления неформальных платежей, респонденты склонны на первое место ставить интересы коммерческой организации. В любом случае белгородскими предпринимателями отдается приоритет человеческому фактору в распространении коррупции, а не причинам, связанным с несовершенством государственно-правовых институтов.

2.2. Коррупционная составляющая взаимодействия предпринимателей с представителями органов власти

Объем взаимодействия представителей бизнеса с должностными лицами органов власти может выступать косвенным показателем, характеризующим уровень предпринимательской активности. По результатам исследования 2022 года отмечается существенное сокращение взаимодействия предпринимателей с налоговыми органами, судебными органами, органами по охране труда, Росреестром и рядом других (таблица 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли организациям (предприятиям, фирмам, бизнесу), по размерам схожим с Вашей, взаимодействовать с должностными лицами следующих органов власти?»

Органы власти	2019	2020	2021	2022
	%	%	%	%
Судебные органы	43,50	27,20	25,60	19,46
Полиция, органы внутренних дел	51,00	41,60	38,40	39,13
Прокуратура	36,00	34,40	29,60	27,54
Налоговые органы	82,00	73,20	73,60	63,98
Ростехнадзор	43,50	40,40	42,40	34,78
ФАС России	20,50	20,80	23,60	17,81
Органы противопожарного надзора, МЧС	60,50	61,60	60,00	53,21
Роспотребнадзор	54,00	55,60	57,20	42,03
Органы по охране природных ресурсов и окружающей среды	49,50	38,00	38,80	31,06
Органы по охране труда	64,50	55,60	54,80	41,82
Органы, занимающиеся вопросами предоставления земельных участков	46,00	35,20	42,40	33,33
Органы, занимающиеся предоставлением в аренду помещений, находящихся в государственной (муниципальной) собственности	31,00	29,20	34,40	27,95
Органы по реализации государственной (муниципальной) политики в сфере торговли, питания и услуг	39,00	37,20	38,40	29,84
Органы по архитектуре и строительству (БТИ и др.)	46,00	40,00	39,60	24,02
Росреестр	51,00	37,20	41,20	28,36
Иные органы власти	42,00	36,00	44,00	28,78

Источник: составлено авторами по результатам эмпирической оценки масштабов распространения «деловой» коррупции в Белгородской области в 2022 году

Сравнительный анализ количества взаимодействий субъектов предпринимательства и органов власти показывает отрицательную динамику, начиная с 2020 года. Такая ситуация в основном обусловлена сложившейся общественно-политической обстановкой в приграничном регионе в условиях проведения Специальной военной операции. И если в 2020 году, в условиях пандемии Covid-19, предприниматели испытывали затруднения в ведении бизнеса по всей стране, об этом в частности пишет Н.Е. Савенко [11], то начиная с 2022 года основные проблемы испытывает малый и средний бизнес в приграничных с Украиной регионах, где предприниматели все чаще вынуждены принимать решение о переезде в иные регионы страны. Главным фактором здесь выступают не экономические санкции [12], а обеспечение безопасности жизни и ресурсов. Например, в начале 2023 года в одном из региональных изданий отмечалось, что предприятия на приграничных территориях Белгородской и Курской областей не могут получить от страховых компаний возмещения за строения и технику, пострадавшие во время обстрелов [13, с. 8].

Чаще всего, судя по ответам респондентов, хозяйствующим субъектам приходится оказывать влияние посредством неформальных платежей на такие структуры, как налоговые органы, органы противопожарного надзора, МЧС, полицию, органы внутренних дел. При этом в течение ряда лет в большей степени коррупционными стали взаимоотношения предпринимателей с антимонопольной службой, Роспотребнадзором, органами по охране природных ресурсов и окружающей среды. Уменьшилась коррупционная составляющая во взаимодействии с органами по архитектуре и строительству, органами по охране труда, органами, занимающимися предоставлением в аренду помещений из государственного и муниципального фонда (таблица 2). Отметим, что в данном вопросе в анализе учитывались только ответы респондентов, указавших, что их организации осуществляют взаимодействие с соответствующим государственным органом.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли организации (предприятию, фирме, бизнесу) Вашей отрасли, по размерам схожие с Вашей, оказывать влияние на действия (бездействие) должностных лиц указанных органов власти посредством осуществления неформальных прямых и(или) скрытых платежей?»

Органы власти	2019	2020	2021	2022
	%	%	%	%
Судебные органы	3,31	3,75	5,73	5,02
Полиция, органы внутренних дел	9,09	10,00	6,77	7,53
Прокуратура	3,31	3,75	3,13	4,30
Налоговые органы	9,92	11,25	8,85	11,11
Ростехнадзор	6,61	5,00	9,38	5,38
ФАС России	2,48	1,25	4,17	5,02
Органы противопожарного надзора, МЧС	11,57	6,25	7,81	10,04
Роспотребнадзор	4,13	5,00	7,81	6,81
Органы по охране природных ресурсов и окружающей среды	4,13	7,50	5,73	6,45
Органы по охране труда	8,26	7,50	7,81	6,45
Органы, занимающиеся вопросами предоставления земельных участков	4,13	6,25	5,73	6,09
Органы, занимающиеся предоставлением в аренду помещений, находящихся в государственной (муниципальной) собственности	7,44	5,00	3,65	5,38
Органы по реализации государственной (муниципальной) политики в сфере торговли, питания и услуг	2,48	6,25	5,73	3,94
Органы по архитектуре и строительству (БТИ и др.)	9,92	5,00	6,77	4,30
Росреестр	4,13	5,00	4,69	5,73
Иные органы власти	9,09	11,25	6,25	6,45
Всего	100	100	100	100

Источник: составлено авторами по результатам эмпирической оценки масштабов распространения «деловой» коррупции в Белгородской области в 2022 году

С незаконными требованиями предприниматели чаще всего сталкиваются со стороны должностных лиц полиции, органов внутренних дел, в 2022 году отмечен рост таких случаев. Далее следуют налоговые органы, причем пик «вымогательств» с их стороны пришелся на пандемийный 2020 год. Довольно часто предприниматели упоминают органы противопожарного надзора, МЧС, Роспотребнадзор. Наиболее редки ситуации с предъявлением незаконных требований при взаимодействии с Федеральной антимонопольной службой России, органами по реализации государственной (муниципальной) политики в сфере торговли, питания и услуг (таблица 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Сталкивались ли Вы с тем, что должностные лица каких-либо из указанных органов власти предъявляли к Вашей организации (предприятию, фирме, бизнесу) незаконные требования?»

Органы власти	2019	2020	2021	2022
	%	%	%	%
Судебные органы	7,75	3,92	6,00	5,95
Полиция, органы внутренних дел	13,18	11,76	11,00	15,48
Прокуратура	3,10	5,88	7,00	3,57
Налоговые органы	11,63	13,73	9,00	10,71
Ростехнадзор	5,43	1,96	5,00	5,95
ФАС России	1,55	3,92	3,00	2,38
Органы противопожарного надзора, МЧС	6,20	7,84	9,00	9,52
Роспотребнадзор	3,10	7,84	7,00	8,33
Органы по охране природных ресурсов и окружающей среды	6,98	9,80	5,00	7,14
Органы по охране труда	6,98	7,84	5,00	4,76
Органы, занимающиеся вопросами предоставления земельных участков	5,43	0,00	7,00	4,76
Органы, занимающиеся предоставлением в аренду помещений, находящихся в государственной (муниципальной) собственности	6,20	3,92	3,00	4,76
Органы по реализации государственной (муниципальной) политики в сфере торговли, питания и услуг	3,10	3,92	5,00	2,38
Органы по архитектуре и строительству (БТИ и др.)	8,53	5,88	8,00	3,57
Росреестр	2,33	1,96	4,00	3,57
Иные органы власти	8,53	9,80	6,00	7,14
Всего	100	100	100	100

Источник: составлено авторами по результатам эмпирической оценки масштабов распространения «деловой» коррупции в Белгородской области в 2022 году

Отметим, что в 2022 году величина неформальных платежей была известна в той или иной степени для подавляющего большинства респондентов, прибегающих к подобной практике. 70,5% опрошенных предпринимателей этой категории выбрали один из 3-х вариантов (полностью ясна, практически ясна, не очень ясна).

Общее количество коррупционных сделок, в которые попадали представители бизнеса, определялось по результатам ответа на вопрос «Насколько часто организации (предприятия, фирмы, бизнес) Вашей отрасли, по размерам схожие с Вашей, вынуждены оказывать влияние на действия (бездействие) должностных лиц указанных органов власти посредством осуществления неформальных прямых и(или) скрытых платежей» по каждому из приведенных в таблице 3 органов власти. Если отвечающий выбирал вариант: "регулярно, 1 раз в год", "эпизодически, 1 раз в этом году", то этот ответ учитывался как одна коррупционная сделка, если: "регулярно, 1 раз в квартал" – то как четыре, если "эпизодически, 2 раза и более в этом году" – то как две с половиной сделки. В итоге общее число коррупционных сделок, в которые попадал каждый представитель бизнеса за год составило 417, что существенно больше, чем в 2021 году – 273, в 2020 и 2019 годы их было соответственно 137 и 215,5. Лидерами ан-

тирейтинга по оказанию влияния посредством неформальных платежей, по мнению респондентов в текущем году стали Федеральная антимонопольная служба России, судебные органы, органы по охране природных ресурсов и окружающей среды, при этом ранее фигурировавшая в верхних строках полиция переместилась в середину антирейтинга. Реже всего неформальные отношения на данном этапе возникали с органами по охране труда и органами по реализации государственной (муниципальной) политики в сфере торговли, питания и услуг.

2.3. Динамика показателей «деловой» коррупции на региональном уровне

Одним из основных показателей «деловой» коррупции на региональном уровне является средний размер взятки. Для его расчета респондентам было предложено определить диапазон, на который приходится в среднем сумма одного неформального прямого или скрытого платежа (таблица 4). Согласно полученным результатам за год сократилась доля участников исследования, которые полагают, что средняя сумма неформального платежа находится на минимальном уровне от 3-х тыс. до 10 тыс. рублей (с 72,4% до 62,5%). В то же время увеличились доли респондентов, определяющих неформальный платеж в сумме от 10 000 до 25 000 рублей (с 13,6% до 18,4%) и от 25 000 до 150 000 рублей (с 8% до 13,3%). Вероятно, что такая тенденция является следствием удорожания жизни в целом.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, у организаций (предприятий, фирм, бизнеса), подобных Вашей, какая сумма в среднем приходится на один неформальный прямой или скрытый платеж?»

Варианты ответов \ значения	2019	2020	2021	2022
	%	%	%	%
от 3 000 до 10 000 рублей	67,0	73,2	72,4	62,5
от 10 000 до 25 000 рублей	14,0	10,0	13,6	18,4
от 25 000 до 150 000 рублей	9,0	9,6	8,0	13,3
от 150 000 до 500 000 рублей	6,0	5,2	3,6	3,3
от 500 000 до 1 млн рублей	0,5	0,8	0,8	1,4
свыше 1 млн рублей	3,5	1,2	1,6	1,0
Всего	100	100	100	100

Источник: составлено авторами по результатам эмпирической оценки масштабов распространения «деловой» коррупции в Белгородской области в 2022 году

На основе полученных данных по формуле среднеарифметической взвешенной, где в качестве множителей использованы значения середины интервалов неформальных платежей был рассчитан средний размер взятки в сфере «деловой» коррупции в 2022 году:¹

$$((6\ 500 \cdot 302) + (17\ 500 \cdot 89) + (87\ 500 \cdot 64) + (32\ 5000 \cdot 16) + (750\ 000 \cdot 7) + (1\ 125\ 000 \cdot 5)) / 483 = 52\ 164,6$$

Таким образом, средний размер взятки в сфере «деловой» коррупции в 2022 году составил 52 164,6 рублей, что больше, чем в 2021 году (49 786 руб.) и в 2020 году (51 308 рублей), но меньше, чем в 2019 году (77 305 рублей).

Значение среднего размера взятки было использовано для расчета показателя годового объема «деловой» коррупции в Белгородской области, как произведение его величины (52 164,6 рублей) на количество коррупционных сделок в сфере «деловой» коррупции в Белгородской области за год (166 269). В результате показатель годового объема «деловой» коррупции в Белгородской области составил 8 673 355 258 рублей, что существенно меньше, чем в 2021 году (15 762 048 456 руб.), и сопоставимо с тем, что было в 2020 году (8 174 446 486 руб.), и меньше, чем в 2019 году (22 921 233 990 руб.).

Оценивая динамику распространения коррупционных практик на различных уровнях власти, респонденты в большей степени сошлись во мнении, что уровень коррупции за последний год не изменился. При этом в отношении местного (43,7%) и регионального (43,5%) уровня

¹ В последнем интервале средним значением будет являться 1 125 000 рублей, так как максимальное значение признака определено в 1 250 000 рублей.

власти доли респондентов практически не изменились с 2021 года (43,2% и 43,6% соответственно), но относительно оценки по стране показатель уменьшился с 50,4% до 42,2%. Немногим больше респондентов, чем в 2021 году, полагают, что уровень коррупции вырос: 13,7% опрошенных считают, что в целом по стране уровень коррупции возрос (в 2021 г. – 8,4%), в то время как на региональном и местном уровне с ними согласны 7% и 4,8% соответственно (годом ранее 4,4% и 2,4%) (таблица 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «За последний год, по Вашему мнению, изменился ли уровень коррупции на соответствующем уровне власти?»

Уровень власти	Варианты ответов/значения (2022 г.)			
	возрос	не изменился	уменьшился	всего
	%	%	%	%
на местном уровне (город, село и др.)	4,8	43,7	51,6	100
на уровне региона (область, край, республика, город федерального значения)	7,0	43,5	49,5	100
в целом по стране	13,7	42,2	44,1	100
Уровень власти	Варианты ответов/значения (2021 г.)			
	возрос	не изменился	уменьшился	всего
	%	%	%	%
на местном уровне (город, село и др.)	2,4	43,2	54,4	100
на уровне региона (область, край, республика, город федерального значения)	4,4	43,6	52,0	100
в целом по стране	8,4	50,4	41,2	100

Источник: составлено авторами по результатам эмпирической оценки масштабов распространения «деловой» коррупции в Белгородской области в 2022 году

Результаты оценки динамики уровня коррупции на региональном уровне легли в основу расчета показателя «мнение представителей бизнеса об интенсивности «деловой» коррупции». Данный показатель определяется как доля респондентов, полагающих, что в субъекте Российской Федерации «деловая» коррупция не ослабляется: суммарная доля ответивших «возрос» (34) и «не изменился» (210) в процентах от числа респондентов, давших какой-либо ответ (483). Таким образом, показатель составил: $(34+210)/483 * 100 = 50,5\%$, что немногим больше, чем в 2021 г. – 48% (в 2020 г. – 43,2%, а в 2019 г. – 57%).

В 2022 году, как и в предыдущие годы к числу наиболее эффективных мер по борьбе с коррупцией респондентами было названо упрощение процедуры предоставления услуг органами власти (принцип «одного окна», МФЦ, портал госуслуг) – 61,1% оценили ее как эффективную в той или иной степени (в 2021 г. – 67,2%). Кроме того, близкими по эффективности, участники опроса посчитали повышение прозрачности административных процедур (возможность следить за этапами продвижения дела, поддержка режима «обезличивания» для предотвращения контакта исполнителя услуги и заявителя, предоставление детальной информации о требуемых документах и сроках) (60,3%, а в 2021 г. – 64,8%), и создание специального органа власти по борьбе с коррупцией (59,2%, в 2021 г. – 59,6%). Примечательно, что последняя мера являлась в предыдущие годы скорее аутсайдером рейтинга.

К числу наименее эффективных мероприятий респонденты в этот раз отнесли: регламентирование подарков должностным лицам (запрет на получение подарка, необходимость передачи подарков, полученных в ходе официальных мероприятий, в собственность государства) (50,9%, ранее 56%), и повышение зарплат государственным и муниципальным служащим, чтобы они меньше стремились к получению нелегальных доходов (49,7%, ранее 60,8%).

3. Заключение.

Превалирующей причиной распространения коррупции в стране, как и в прошлые годы предпринимателями названа алчность чиновников, но, в то же время, говоря о причинах осуществления неформальных платежей, респонденты склонны, как и ранее, на первое место ставить интересы коммерческой организации. В любом случае представителями бизнеса отдается

большой приоритет человеческому фактору в распространении коррупции, а не причинам, связанным с несовершенством государственно-правовых институтов. В этой связи, а также учитывая, что возможности применения правовых и экономических методов у государственных институтов ограничены, большое внимание следует уделять пусть и отсроченным по результату, социокультурным методам, позволяющим формировать у представителей власти и бизнеса антикоррупционное мировоззрение, соответствующие нормы и ценности, устойчивые навыки законопослушного поведения.

Опрос текущего года показал, что административные процедуры, реализуемые в государственных и муниципальных органах, все еще недостаточно оптимальны и эффективны, с точки зрения субъектов предпринимательства. Желание их «ускорить» также, как и ранее является основным мотивом, толкающим бизнесменов на путь использования неформальных прямых или скрытых платежей и вовлекающим их в другие формы коррупционных взаимоотношений с властью.

Результаты исследования не дают повода воспринимать их оптимистично. Вероятно, что для многих бизнесменов, несмотря на предоставленные гарантии анонимности, важным мотивом выступает желание «не сказать лишнего», отсюда и столь существенное количество респондентов, затруднившихся в своей оценке масштабов распространения коррупции. Кроме того, частота коррупционных проявлений напрямую коррелирует с предпринимательской активностью, которая, в свою очередь, снижается в виду внешних факторов, таких, например, как Covid-19, проведение Специальной военной операции.

Главным фактором коррупционности взаимоотношений власти и бизнеса на протяжении всего мониторинга выступает использование авторитета и влияния должностных лиц органов власти с целью лоббирования в той или иной ситуации интересов бизнеса. Основным способом, минимизирующим влияние данного фактора, должна оставаться работа по внедрению технологий «обезличивания» административных процессов со стороны органов управления независимо от того, кто выступает инициатором реализации административных процедур, порядок которых предусмотрен законодательством. Из практики административных процессов должно быть исключено взаимодействие участников, происходящее в «живом» формате, или с использованием средств прямого контакта, например, личного телефона. Кроме того, должна возрасти ответственность руководящих должностных лиц за действия подчиненных сотрудников, участвующих в процедурах предоставления услуг предпринимателям. Технология «ротации» сотрудников, включенных в процессы коммуникации с представителями организаций, ведущих хозяйственную деятельность, хоть и остается сложно реализуемой, но в отдельных случаях все-таки целесообразна к рассмотрению и внедрению.

Литература

1. Федотов Д. Ю., Инкижинова С. А., Шкурин Д. В. Деловая коррупция в Иркутской области: результаты социологического опроса // *Теневая экономика*. – 2023. – Т. 7. – № 2. – С. 209-226. DOI: <https://doi.org/10.18334/tek.7.2.117714>.
2. Кудряшов К. В., Понеделков А. В., Санькова А. А., Яланский А. П. Актуальные проблемы противодействия коррупции в сфере предпринимательства // *Актуальные проблемы противодействия коррупции в современной России: Материалы Всероссийского Круглого стола 09 декабря 2020 г.* / Воронцов С. А., Мозилевский С. Д., Понеделков А. В., Рудой В. В. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2021. – С. 168-177.
3. Каирбекова А., Абрамов Р. А. Влияние коррупции на развитие предпринимательства в России // *Human Progress*. – 2021. – Т. 7. – № 2. – С. 1-10. DOI: <https://doi.org/10.34709/IM.172.6>.
4. Об утверждении методики проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 25 мая 2019 г. N 662. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/72255554/paragraph/1:0>.
5. Добренчиков В. И., Исправникова Н. Р. *Коррупция: основные подходы к исследованию*. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2009. – 208 с.
6. Храмова Н. А. Амбивалентность коррупции и ее влияние на развитие предпринимательской деятельности // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. – 2021. – №7. – С. 157-159.
7. Золаев Э. А. Экономика коррупции // *Теневая экономика*. – 2023. – Том 7. – № 2. – С. 161-170. DOI: <https://doi.org/10.18334/tek.7.2.117963>.
8. Ferris S. P., Hanousek J., Tressl J. (2021). *Corporate profitability and the global persistence of corruption*, *Journal of Corporate Finance*, vol. 66. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2020.101855>.
9. Кобец П. Н., Краснова К. А. Борьба с коррупцией в бизнесе: международно-правовой аспект // *Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России*. – 2021. – № 3 (9). – С. 93-104.
10. Близнюк М. В. Семейная мораль и толерантное отношение к коррупции // *Reflexio*. – 2021. – Т. 14. – № 2. – С. 30-36. DOI: <https://doi.org/10.25205/2658-4506-2021-14-2-30-36>.
11. Савенко Н. Е. Форс-мажор и предпринимательские риски в период пандемии коронавируса // *Вест-*

- ник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – Т. 20. – № 3. – С. 50-56. DOI: <https://doi.org/10.14529/law200307>.
12. Швецов А. В., Швецова Н. К. Отечественная экономика и финансы в период СВО // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Сельскохозяйственные науки. Экономические науки». – 2022. – Т. 8. – № 3. – С. 349-355. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-9687-2022-8-3-349-355>.
13. Это ваши предпринимательские риски // Коммерсант-Черноземье. – 2023. – № 17. – С. 8.

References:

1. Fedotov D. YU., Inkizhinova S. A., SHkurin D. V. Delovaya korrupciya v Irkutskoj oblasti: rezul'taty sociologicheskogo oprosa // Tenevaya ekonomika. – 2023. – Т. 7. – № 2. – С. 209-226. DOI: <https://doi.org/10.18334/tek.7.2.117714>.
2. Kudryashov K. V., Ponedelkov A. V., San'kova A. A., Yalanskij A. P. Aktual'nye problemy protivodejstviya korrupcii v sfere predprinimatel'stva // Aktual'nye problemy protivodejstviya korrupcii v sovremennoj Rossii: Materialy Vserossijskogo Kruglogo stola 09 dekabrya 2020 g. / Voroncov S. A., Mogilevskij S. D., Ponedelkov A. V., Rudoj V. V. – Rostov-na-Donu: Izd-vo YURIU RANHiGS, 2021. – С. 168-177.
3. Kairbekova A., Abramov R. A. Vliyanie korrupcii na razvitie predprinimatel'stva v Rossii // Human Progress. – 2021. – Т. 7. – № 2. – С. 1-10. DOI: <https://doi.org/10.34709/IM.172.6>.
4. Ob utverzhdenii metodiki provedeniya sociologicheskikh issledovanij v celyah ocenki urovnya korrupcii v sub"ektah Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 25 maya 2019 g. N 662. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/72255554/paragraph/1:0>.
5. Dobren'kov V. I., Ispravnikova N. R. Korrupciya: osnovnye podhody k issledovaniyu. – M.: Akademicheskij Proekt; Al'ma Mater, 2009. – 208 s.
6. Hramova N. A. Ambivalentnost' korrupcii i ee vliyanie na razvitie predprinimatel'skoj deyatel'nosti // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2021. – № 7. – С. 157-159.
7. Zolaev É. A. Ekonomika korrupcii // Tenevaya ekonomika. – 2023. – Tom 7. – № 2. – С. 161-170. DOI: <https://doi.org/10.18334/tek.7.2.117963>.
8. Ferris S. P., Hanousek J., Tresl J. (2021). Corporate profitability and the global persistence of corruption, *Journal of Corporate Finance*, vol. 66. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2020.101855>.
9. Kobec P. N., Krasnova K. A. Bor'ba s korrupciej v biznese: mezhdunarodno-pravovoj aspekt // Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikacii rabotnikov FSIN Rossii. – 2021. – № 3 (9). – С. 93-104.
10. Bliznyuk M. V. Semejnaya moral' i tolerantnoe otnoshenie k korrupcii // Reflexio. – 2021. – Т. 14. – № 2. – С. 30-36. DOI: <https://doi.org/10.25205/2658-4506-2021-14-2-30-36>.
11. Savenko N. E. Fors-mazhor i predprinimatel'skie riski v period pandemii koronavirusa // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2020. – Т. 20. – № 3. – С. 50-56. DOI: <https://doi.org/10.14529/law200307>.
12. SHvecov A. V., SHvecova N. K. Otechestvennaya ekonomika i finansy v period SVO // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Sel'skohozyajstvennye nauki. Ekonomicheskie nauki». – 2022. – Т. 8. – № 3. – С. 349-355. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-9687-2022-8-3-349-355>.
13. Eto vashi predprinimatel'skie riski // Kommersant-CHernozem'e. – 2023. – № 17. – С. 8.